

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИОННОГО СТИЛЯ ПРИ СОВЛАДАНИИ С ТРЕВОГОЙ СМЕРТИ

Дорожевец Т.В., г. Витебск, Беларусь

Резюме: в статье рассматриваются особенности адаптационного стиля при совладании с тревогой смерти. Автором представлены способы совладания со страхом смерти, классификация страхов, культурные и индивидуальные мифы, связанные со смертью.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптационный стиль, смерть, тревога, культурные мифы, индивидуальные мифы.

Хотя и существуют определенные ограничения в адаптационном подходе к развитию личности, «адаптация» прочно вошла в понятийные системы многих теоретических концепций в психологии. В основе процесса адаптации в социальной среде лежат два противоположно направленных процесса: изменение личностью среды в сторону соответствия последней своим потребностям, с одной стороны, и изменение самой личности, которое отвечает требованиям среды, с другой. Еще Пиаже рассматривал адаптацию и в биологии, и в психологии как единство противоположно направленных тенденций – аккомодации и ассимиляции. Аккомодация обеспечивает модификацию функционирования организма или действий субъекта в соответствии со свойствами среды. Ассимиляция же изменяет те или иные компоненты этой среды, перерабатывая их согласно структуре организма или включая в схему поведения субъекта.

В исследованиях приспособления первоклассников к школе были выделены 3 дезадаптационных стиля: *аккомодационный*, *ассимиляционный* и *незрелый*. Другими словами, нарушение адаптации возникает именно тогда, когда один из стилей адаптации становится преобладающим. Аккомодационный стиль отражает стремление ребенка к полному подчинению своего поведения требованиям школьной среды. Ассимиляционный стиль показывают дети, которые стремятся полностью подчинить социальную среду своим потребностям. Дети с незрелым стилем неспособны принять новую социальную ситуацию развития (Дорожевец, 1994).

Примечательно, что стиль приспособления не изменяется при переходе из детского сада в школу, из младших классов в средние, из школы в вуз, из вуза в профессиональную деятельность (Дорожевец, 1990, 1996).

Такая стабильность адаптационного стиля при переходе из одной ситуации социального развития в другую позволяет относиться к нему как к устойчивой индивидуально-психологической характеристике личности, что ставит «адаптационный стиль» в один ряд с другими стилевыми особенностями личности, такими как «когнитивный стиль», «индивидуальный стиль деятельности», «жизненный сценарий» и др.

Наблюдения за взрослой профессиональной и социальной адаптацией бывших дезадаптированных школьников показывают, что большинство из них все-таки демонстрируют поведение, далекое от крайностей аккомодации и ассимиляции. У многих, конечно же, сохраняются трудности внутриличностной адаптации, часто проявляющиеся в невротических симптомах, но на уровне внешнего социального поведения очевидных проблем с адаптацией не наблюдается. В этом, вероятно, и заключается суть процесса социализации: под влиянием социального научения дезадаптивные паттерны поведения сменяются вполне адаптивными формами социального поведения без крайностей «прогибания под жизнь» или «прогибания жизни под себя». Другим важным аспектом успешной взрослой адаптации является произвольность и сознательность выбора форм адаптивного поведения – элементы ассимиляционного или аккомодационного стиля выбираются в зависимости от ситуации. Другими словами, при успешной адаптации личность сама выбирает стиль поведения, в то время как при дезадаптации привычный стиль приспособления – аккомодация или ассимиляция – полностью определяет поведение личности.

Однако в особых пограничных ситуациях детский стиль дезадаптации вновь проявляет себя в привычных детских формах, нарушая уже сложившуюся успешную социальную, личностную и профессиональную адаптацию взрослого человека. Такими ситуациями у взрослых людей являются ситуации встречи со смертью в разных формах.

Позиция, изложенная в статье, является итогом теоретического осмысления 25-летнего практического опыта работы с людьми, которые в разной форме и степени соприкоснулись с темой смерти, как в виде потери близкого человека, так и в результате пребывания в ситуациях, непосредственно угрожавших их жизни.

Целью исследований был анализ изменений в картине мира у таких людей и выявление связи этих изменений с привычными стилями приспособления.

Схема, используемая для анализа эмоциональных переживаний клиентов, основана на следующих известных базовых положениях:

- Тревога небытия, исчезновения, аннигиляции, распада Я имманентно присуща человеку и столь сильна, что человек не способен осознавать ее в полном объеме. Поэтому разными способами человек стремится защититься, игнорируя тему смерти, обесценивая ее, вытесняя за пределы сознания или, наоборот, облачая в пышные одежды феноменов культуры.

- В особых ситуациях встречи со смертью происходит разрушение привычных защит, и тревога смерти врывается в сознание, превращаясь в осознанный страх небытия. Но правда жизни, точнее, правда смерти слишком пугающая, чтобы с ней жить, поэтому человек вынужден выстраивать новый бастион вокруг трагической истины, что смерть неизбежна. Таким образом, возникает новая картина мира.

Всякая тревога, как известно, не имеет своего предмета, она слишком аморфна, безлика, она проявляется в виде ощущения непонятной угрозы, которая не имеет ни имени, ни места в пространстве, ни своей истории. Именно поэтому всякая тревога стремится стать страхом, так как страх – это всегда страх чего-то конкретного.

Анализ глубинных интервью с жертвами кризисных событий, а также с переживающими горе из-за утраты близкого человека показывает, что тревога смерти, точнее, тревога небытия, достигая своих осознанных форм, превращается в следующие страхи:

- **страх смерти** (страх физического уничтожения, страх утраты физического тела, потери возможности жить в этом мире)
- **страх бессмысленности** (страх перед тем, что все, что делает человек, не может помочь ему ответить на вопрос, зачем все это, для чего и ради чего)
- **страх вины** (страх своей никчемности, неправильности, бесполезности и ненужности, страх, что жизнь идет не так, как надо)
- **страх беспомощности** - потери контроля (с одной стороны, это страх потерять контроль над своей жизнью, с другой, страх утратить чувство безопасности и прогнозируемости окружающего мира)
- **страх одиночества-растворения** (страх потерять свое я, страх потерять поддержку со стороны окружающего мира)

Каждый из этих страхов вносит свой вклад в построение индивидуальной картины мира, проявляясь в различных симптомах, большинство из которых выполняет защитную функцию.

Но любая защита от тревоги небытия, как известно, всегда является иллюзией, мифом. Чем лучше сконструирован миф, тем надежней он защищает от невыносимой правды жизни. Факт неизбежной смерти может быть побежден только очень хорошим мифом. В основе любого мифотворчества всегда лежат две базовых человеческих иллюзии: мир доброжелателен (хорошее происходит чаще плохого) и мир справедлив (с хорошими людьми не происходит плохого). Если я хороший, компетентный и заслуживающий уважения, со мной ничего не может произойти. Поэтому все защиты строятся вокруг иллюзий или по поводу внешнего мира, или по поводу себя самого (Пергамщик, 1997)

Картина мира, которая определяет способ защиты, строится на двух уровнях и состоит из четырех компонентов. Эти компоненты можно обозначить как сочетания способов мифологического отношения к миру и себе («когнитивно-рациональное» или эмоционально-смысловое») и уровня существования этого мифа (индивидуальный или культурный). Логично, что способы защиты клиента от тревоги небытия в наибольшей степени определяется эмоционально насыщенными и сугубо индивидуальными компонентами его картины мира.

Культурные мифы.

На протяжении всей истории человечества смерть воспринималась как завершение индивидуального земного существования, означающее одновременно и подведение итогов жизни, и абсо-

лютный предел, за которым – «ничто». Тема смерти и посмертной судьбы человека заняла одно из важнейших мест во многих сферах общественного сознания, в первую очередь, в религии, искусстве, философии. Все они предлагали разнообразные объяснения смерти и соответствующие символические формы, позволяющие опредметить смерть, превратить ее в феномен культуры, включить образы смерти в контекст культурного развития. Примерами эволюции таких символов могут служить обряды, инициации, возникновение и эволюция захоронений, человеческие жертвоприношения и различные формы ритуальной смерти, формы казни как символы могущества носителей власти над жизнью и смертью, изменение канонов «пристойной» смерти (светлая, спокойная кончина святых и ужасная, мучительная гибель злодеев, «герой пал за дело революции, а предатель сдох, как трусливая собака»), представления о различных типах приемлемой смерти (героической, романтической, безболезненной...), различные объяснения значения смерти (закон природы, плата за жизнь, награда, испытание, наказание, экзамен) (Розин, 1999).

Именно путем более или менее осознанного принятия таких символов в ходе всей жизни человека происходит индивидуальное освоение смерти, позволяющее жить перед ее лицом, причем жить полноценно и справляться со страхом смерти, примиряться с ее неизбежностью.

Хотя в настоящее время предложено несколько классификаций таких образов, все их можно включить в антитезу, предложенную Сократом: смерть либо подобна сну без сновидений, либо означает переход в иной мир, в иное состояние.

Представление о смерти является принципиально двухплановым. К первому плану можно отнести элементы представлений о смерти вообще, о чужой смерти как завершении жизни любого человека, происходящей в физическом мире и эмпирически наблюдаемой. Ко второму плану можно отнести представления о собственной смерти – своего рода метафизическом событии, неизбежность которого для человека и очевидна, и немыслима одновременно (Янкелевич, 1999).

Важно учитывать, что личностное знание о смерти связано не только с индивидуальной концепцией смерти и бессмертия, но и с личностным отношением человека к телу, которые фиксируются в виде двух сосуществующих позиций «Я есть тело» и «Я имею тело» (Тищенко, 1990).

Позиция «Я есть тело» имеет фундаментальное значение для самоидентификации личности: смерть как разрушение тела означает и уничтожение личности, ее внутреннего мира; потеря тела тождественна потере Я. С другой стороны, прекращение телесного бытия данной личности означало бы и прекращение бытия мира. Но, как убедительно показали феноменологи (Гюссерль, Мерло-Понти, Шюц), человеческое сознание неспособно вообразить такое абсолютное небытие. Поэтому позиция «Я есть тело» применительно к проблеме смерти трансформируется в позицию «Я бессмертен», в ощущение невозможности своей смерти.

Чтобы осмыслить неизбежность смерти, нужно перейти на иную позицию, на позицию «Я имею тело», которая в данном случае приобретает форму «Я умру». Но этот переход происходит лишь в ситуациях особого, кризисного типа – в период непосредственной встречи со смертью, при выходе за пределы повседневности, когда сознание человека встревожено, потрясено, когда он задумывается о содержании и назначении жизни, и, соответственно, о неизбежности ее окончания.

Конечно, современные культурные мифы на тему смерти существуют не в виде сюжетно-законченных историй о деяниях героев и богов. Представления, которые можно отнести к разряду мифологических, вкраплены в самые разные проявления культуры, такие как литература, искусство, наука и паранаука, современные обычаи и ритуалы. Эти представления зачастую невербализованы и неотрефлексированы, они растворены в содержании менталитета, живут в индивидуальных картинах мира. Одной из форм проявления таких мифологических конструкций, существенно влияющих на процесс совладания со страхом смерти, является индивидуальная концепция смерти.

Индивидуальные мифы.

Традиционно полная концепция смерти включает в себя несколько компонентов: универсальность, необратимость, нефункциональность и причинность.

- **Универсальность** (также рассматриваемая в литературе как неизбежность), включает понимание того, что все живые существа умирают.

- **Необратимость** (также рассматриваемая как окончательность, конечность) предполагает понимание того, что, если какое-либо живое существо умирает, его физическое тело уже никогда не сможет вновь стать живым.

- **Нефункциональность** (или прекращение, остановка) заключается в том, что все функции жизнеобеспечения прекращаются после смерти.

- **Причинность** и подчиненный концепт “старость” означают, что живые существа умирают в результате действия различных биологических причин.

В сознании людей научное понятие смерти легко уживается рядом с паранаучными, религиозными, мистическими представлениями об этом явлении. Например, в условиях нашей культуры религиозное понятие смерти легко транслируется через различные традиции и ритуалы. Дети, поте-

рявшие близкого человека, обязательно сталкиваются с религиозными и околорелигиозными объяснениями этого явления со стороны взрослых.

Целостная концепция смерти формируется у детей не раньше, чем они достигают девятилетнего возраста. Дети моложе семи лет видят смерть как обратимую и не относят ее к себе. Пользуясь понятиями теории Пиаже, можно сказать, что дети усваивают понятия универсальности, необратимости и нефункциональности смерти во время перехода от дооперационального мышления к стадии конкретных операций. При этом понимание универсальности смерти возникает раньше понимания ее необратимости, которая, в свою очередь, предшествует усвоению идей нефункциональности и причинности и служит базой для их формирования. Жизненный опыт, связанный с темой смерти оказывает сильное влияние на развитие представлений об этом явлении только у детей до 7 лет. Существует колоссальное сходство процесса формирования концепции смерти у представителей разных культур и религий.

Большое количество мистических представлений о смерти бытует в детской и подростковой среде. Существенное влияние на представление подростка о смерти оказывает популярная псевдонаучная литература об «информационных полях», «всеобщем разуме» и т.п., а также философские идеи о реинкарнации, «предыдущей жизни», возрождении и т.п. Например, понятия функциональности и обратимости смерти существуют во всех религиозных системах. Идеи о том, что умерший когда-нибудь вернется, или о том, что он «смотрит на нас с небес» входят в обязательное религиозное обучение.

Традиционно научное понятие смерти рассматривается как более взрослое и «зрелое», чем религиозное, так как оно более конкретно и безэмоционально. Маленький ребенок может начинать с более «взрослой» и научной концепции смерти, поскольку она более конкретна и буквальна. Как только эти базовые конкретные определения универсальности, необратимости и т.д. поняты, ребенок оказывается в состоянии включить в концепцию смерти более абстрактные, хотя и менее научные, религиозные и околорелигиозные представления. Психологическая помощь детям, соприкоснувшимся с темой смерти, должна учитывать эти особенности детской психики (Дорожевец, 1998, 1999, 2004)

Индивидуальные мифы, как и культурные, совершенно не соответствуют научному представлению, слабо рефлексированны, малоосознанны, чаще всего основаны на механизме отрицания. Их задача - восстановить защитный барьер между человеком и реальностью, чтобы нивелировать страхи смерти.

- **Смерти нет.** На детском уровне это звучит как «я никогда не умру». Более взрослый уровень предполагает более изощренную формулировку, наиболее распространенную в нашей культуре: Смерть – переход в иное бытие. Я умру физически, но не как индивидуальность, мое Я не исчезнет (отвержение нефункциональности смерти). Многочисленные литературные произведения, кинофильмы активно поддерживают этот миф, культивируя идею биологического, социального и духовного бессмертия. Сюда же относятся представления о том, что некая могучая сила защищает человека от смерти, этот магический помощник, ангел-хранитель не даст попасть в беду, спасет и защитит.

- **Смерть – естественная часть жизни.** Она не повод для тревог, не стоит преувеличивать ее значимость. «Все там будем», надо просто жить и радоваться жизни.

- **Смерть – персона:**

- **Великая персона,** всесильный господин. Смерть представляется всесильным повелителем, избавиться от господства которого человек не в состоянии. При этом наилучший способ примириться с существующим порядком мира – это полюбить своего господина, отыскать в нем положительные черты, показать, что, отбирая многое, он еще больше дает взамен. Суждения о смерти с этих позиций всегда печальны, но прекрасны. Смерть видится как нечто неизбежное, но возвышающее над скотским состоянием и сулящее ему прекрасное духовное инобытие. Это излюбленный образ смерти у подростков, романтиков, поэтов и у представителей сект с некрофильской ориентацией (напр., у т.н. «готов»).

- **Обычная персона.** Здесь смерть персонифицируется подобно любой стихии, получает индивидуальный облик, близкий к человеческому (смерть с косой, монстр), хотя страшно, но это лучше, чем без облика, у персоны могут быть слабости, ее можно умиловать, уговорить, перехитрить (сказки), над ней можно смеяться, принижая ее силу, значительность, опасность.

- **Смерть – осознанный выбор.** Другой способ смириться с неизбежным – это умереть с достоинством, сделав вид, будто человек не обречен на смерть, а выбрал ее по собственной воле. Иначе говоря, один из способов бороться со страхом смерти – это включить саму смерть в сферу индивидуального контроля. Особые секты, специальные психотехнические практики, голотропное дыхание, модные практики танатотерапии – формы проявления такого взгляда на смерть. Сюда же можно отнести рискованное поведение у подростков, эксперименты с высокой вероятностью гибели, опасные виды спорта.

- **Смерть – случайность.** В рамках этого взгляда смерть не является неизбежностью. Этот подход объединяет многочисленных искателей физического бессмертия (мистиков, геронтологов, последователей некоторых религиозных учений, сторонников здорового образа жизни, фанати-

ков - диетологов, всех ищущих омоложения, готовых заморозить себя, чтобы в будущем продолжить жизнь). От страха смерти защищает убежденность, что такое средство будет найдено, вот-вот человек станет обладателем эликсира бессмертия и молодости (Хен, 1999).

Существуют и другие типологии образов Смерти, многие из которых применимы лишь в узко-ситуативном или специфическом теоретическом контексте (смерть как избавление, награда, искупление и пр.) (Рейнгольд, 2004).

Формирование новой картины мира после встречи со смертью тоже можно рассматривать как адаптационный процесс. Другими словами, используемые субъектом приемы психологической защиты и механизмы совладания с тревогой небытия во многом зависят от характерного для субъекта адаптационного стиля. И здесь, как и в процессе школьной или профессиональной адаптации, наибольшие трудности в приспособлении к новой психологической реальности испытывают субъекты с крайними формами проявления стиля. Иначе говоря, субъекты с ярко выраженным ассимиляционным или аккомодационным стилем демонстрируют зачастую абсолютно противоположные по форме способы преодоления страхов физического уничтожения, бессмысленности, вины, беспомощности и одиночества-растворения, они одинаково дезадаптивны. Конечно, эти способы весьма эффективно снижают тревогу небытия, но одновременно они усиливают социальную и личностную дезадаптацию.

Ассимиляционный стиль	Аккомодационный стиль
Усиление Я – «Я не умру, так как это Я, а такие не умирают».	Усиление Мы – «Я не умру, так как это Мы, а нас много и все мы не умрем»
Усиление потребности в контроле в виде острой потребности во власти (расширение сферы контроля): • резкое усиление агрессивности как формы выражения власти	Усиление потребности в подчинении • отказ от личной ответственности в прямой и символической форме – подчинение другим людям
Агрессивное сексуальное поведение как форма проявления власти	Беспорядочная сексуальная активность как поиск чувства Мы
Страх растворения, боязнь толпы (особенно если умер близкий человек и часть Я уже утрачена)	Страх одиночества, уход в группы (религиозные, политические и др.)
Рисковое поведение как форма усиления иллюзии контроля над жизнью и смертью	Избегание любых ситуаций, связанных с угрозой для жизни
«Американизация самосознания» (индивидуализм, трудоголизм, борьба со временем, стремление к успеху любой ценой)	Избирательный поиск магического помощника (амулеты, крещение, вера в ангела-хранителя), замена магического помощника авторитетом
Усиление границ Я и границ образа тела, психосоматические заболевания кожи, мышечной системы	Ослабление границ Я и границ образа тела, психосоматические нарушения деятельности сердечно-сосудистой и желудочно-кишечной сферы.
Маниакальное поведение, алкоголизм и наркомания как формы самонаказания	Регресс в виде инфантильных форм поведения
Борьба с острой тревогой вины через символические формы очищения и самонаказания («Я плохой, но я сам улучшу себя»)	Депрессия с поиском внешней поддержки («Я плохой, спасите меня»)

Эти способы, конечно, решают важную задачу – они действительно защищают человека от тревоги небытия, но создают массу новых проблем, мешая его социальной и личностной адаптации. В обычных условиях способы совладания со страхом смерти находятся где-то между этими крайними полюсами. Но чем трагичнее и неожиданнее встреча со смертью, чем сильнее тревога небытия, тем ближе к тому или другому полюсу смещается человек. Знание адаптационного стиля позволяет предсказать развитие событий уже на первых этапах развития посткризисного реагирования. Психологу важно знать, куда сместится система защит, чтобы помочь клиенту остаться вне дезадапционного поля. Превентивные меры всегда эффективнее долгосрочной терапии после кризисного события.

Список цитированных источников

1. Дорожевец Т.В. Психологическая адаптация студентов – необходимое условие гуманизации процесса обучения в вузе. – В сб.: Гуманизация профессиональной подготовки учителя. – Зелена Гур, Высшая педагогическая школа, 1990 (в соавт.), стр.34-41.

2. Дорожевец Т.В. Психологические особенности школьной адаптации воспитанников детского сада. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – Москва, МПГУ им. В.И.Ленина, 1994, 17 стр.
3. Дорожевец Т.В.Изучение школьной дезадаптации. Методические рекомендации. –Витебск, ВГУ им. П.М.Машерова, 1996, 46 стр.
4. Дорожевец Т.В.Психологическая помощь детям. – Практическая психология и социальная работа, Киев, 1998, №6-7, ср.44-50.
5. Дорожевец Т.В.Психологическая помощь детям: арт-техники активизации внутренних ресурсов ребенка. - Адукацыя і выхаванне, серія Психология, Минск, 1999, №4, стр.31-36.
6. Дорожевец Т.В. «Сказочные помощники». - Журнал практического психолога. Специальный выпуск «Психология сказки и сказкотерапия», Москва, 2004, №5, стр. 39-47.
7. Пергаменщик Л.А. Методологические аспекты кризисной психологии //Кризисные события и психологические проблемы человека. Минск: НИО, 1997. С. 5 -16.
8. Рейнгольд Дж. С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. – Москва, Пер Сэ, 2004, 383 стр.
9. Розин М. Представление о смерти в разных культурах и типах сознания. // Идея смерти в российском менталитете (под ред. Ю.В.Хен). – СПб.: РХГИ,1999, стр. 9-29.
10. Тищенко П.Д. Дано мне тело - Человек. - Москва, 1990, №3
11. Хен Ю.В. Современные мифы о смерти // Идея смерти в российском менталитете.(под ред. Ю.В. Хен). – СПб.: РХГИ,1999, стр. 63-76.
12. Янкелевич В. Смерть. - Москва, Лит.институт им. Горького, 1999, 447 стр.

PRZEMIANA CZŁOWIEKA ZE „STAREJ OSOBY” NA „NOWĄ OSOBE” – PSYCHOMANIPULACYJNY CEL DZIAŁALNOŚCI SEKT

Мисик К., г. Катовице, Польша

Резюме: настоящая статья посвящена проблематике психоманипуляционной деятельности сект, целью которой является привлечение новых adeptов и изменение существующего у них до сих пор способа мышления и поведения. Автор статьи описал механизмы действия выбранных ориентировочно методов манипулирования, а также последствия их применения. В статье представлены мнения польских и российских ученых на тему степени опасности примерных угроз, которым подвержены adeptы и их семьи. В данной статье автор также обращается к вопросам, связанным с личностной характеристикой людей, вступающих в секты.

Ключевые слова: секта, манипулирование, вербовка, adept, личностная характеристика

Wstęp

Zachowania człowieka wynikają z reakcji organizmu na szereg różnego rodzaju bodźców. Dzięki układowi nerwowemu nasza odpowiedź na niektóre z nich jest błyskawiczna i ma charakter podświadomego automatyzmu. Nasze zachowania, poglądy i przyjmowane postawy mogą się tworzyć, ulegać zmianie lub być zastępowane przez inne z minuty na minutę. Mają miejsce także takie sytuacje, kiedy do wywołania w człowieku pożądanej formy zachowania konieczne jest długotrwałe oddziaływanie specjalnie dobranymi, przygotowanymi i użytymi w odpowiednim momencie bodźcami. Szeroki zakres wiedzy na ten temat posiadają naukowcy zajmujący się tą problematyką. Powinni ją mieć także między innymi rodzice, terapeuci, nauczyciele i wychowawcy. W jej posiadaniu – niestety – są także przywódcy i agitatorzy bardzo wielu sekt powstałych w przeciągu kilkudziesięciu minionych lat oraz tych nowo powstających i cieszących się nadal sporym zainteresowaniem.

Analiza głównych pojęć

Sekta rozumiana będzie jako „grupa wyznawców, zwykle otaczająca charyzmatyczną postać przywódcy; sekta różni się od Kościoła lub ruchu religijnego izolacją, dokładnym wykonywaniem przez wyznawców obowiązków płynących z doktryny i nakazów lidera oraz ostrą selekcją członków”⁴⁶.

Agitatorzy sekt w ramach działalności werbunkowej posługują się różnymi metodami psychomanipulacji, której głównym celem jest pozyskanie w jak najkrótszym czasie, jak największej liczby nowych wyznawców. Zwerbowane osoby poddawane są dalszej manipulacji psychologicznej, poprzez którą dąży się do przewartościowania ich sfery aksjonormatywnej, a także do tego by za jedynie słuszne i prawdziwe przyjmowały to, co przekazuje im grupa w której się znaleźli oraz by wzbudzić w nich postawę sprzeciwu i pogardy do dotychczasowego stylu życia, jak również skłonić do zerwania więzi z rodziną i

⁴⁶ *Popularna Encyklopedia Powszechna* (1997), T. XVI, Red: J. Pieszcachowicz, Kraków, Wyd. FOGRA, s. 157.